

90	0199*	НИКОЛАЙ ГЛАЗКОВ	“И подковину согнём”
----	-------	-----------------	----------------------

“И подковину согнём” (Коренблит – Глазков)

1. Любимая игра	– 1.01
2. Гимн клоуну	– 1.17
3. Не унываю	– 0.48
4. Слово	– 1.12
5. Чудо	– 1.23
6. Королевне	– 0.46
7. Вступление в поэму	– 2.53
8. Рассуждая честно	– 2.39
9. Издали	– 1.26
10. Разбиваемое стекло	– 1.24
11. И подковину согнём	– 1.36
12. Бывшему другу	– 1.52
13. Бездарный человек	– 1.20
14. Большевик	– 1.27
15. Достоверная сводка	– 1.44
16. Комсомольцы	– 1.45
17. Осины	– 1.14
18. Непризнанный философ	– 1.11
19. Старая актриса	– 1.38
20. Пришла пора осенняя	– 1.02
21. Последние ступеньки лестниц	– 1.49
22. Моя сила	– 1.13

Общее время звучания – 32.40

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛЮБИМАЯ ИГРА

Я с детства не любил лото
И в нем не принимал участия.
Я не любил его за то,
Что вся игра велась на счастье.

Своё удачное число
Другой вытягивал, как милость,
Я не хотел, чтоб мне везло,
А ратовал за справедливость.

Я с детства в шахматы играл,
Был благородным делом занят.
И я на то не уповал,
Что мой противник прозеваает.

И не испытывал тоски,
Когда сдаваться приходилось:
На клетках шахматной доски
Немыслима несправедливость!

2. ГИМН КЛОУНУ

Я поэт или клоун?
Я серьезен или нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт.

Он силен и спокоен,
И серьезно смышлен —
Потому он и клоун,
Потому и смешон.

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

И, освоив страницы
Со счастливым концом,
Так легко притвориться
Дураку мудрецом!

3. НЕ УНЫВАЮ

Иногда я шут
Сущий,
Когда пишу,
Что мне не присуще.

На безрыбье ибо
Мы рыбу удим,
И в итоге рыбы —
Ни себе ни людям.

На луне никому
Не жнется, не сеется,
Ни мне, ни ему,
Ни уму, ни сердцу.

Но брожу, гляжу
На дома, трамваи,
Каждый день пишу
И не унываю.

4. СЛОВО

Слово лучше компаса в пути,
Словом можно путь предугадать.
Разве можно так: сказать — приду — и не прийти,
Разве можно так: сказать — отдам — и не отдать?

Слово мир особый и иной,

Равнозначный названному им;
 Если слово стало болтовней —
 Это слово сделалось плохим.

Это слово не нужно стихам,
 Это слово — мир, который гнил,
 Лучше бы его я не слышал,
 Не читал, не знал, не говорил.

5. ЧУДО

Человек, достойный вполне
 Аплодисментов всех,
 Пришел в ресторан и пошел по стене
 Вверх.

Потом прошелся несколько раз
 По потолку, не падая вниз, —
 И люди, великому чуду дивясь,
 Научно его объяснить не брались.

А впрочем, резво о гравитации
 Заговорили два знатока,
 Когда человек, достойный овации,
 Спустился по стене с потолка.

Сидела женщина у окна,
 В обычное платье одета, —
 И к ней он направился, ибо она
 Его вдохновила на это!

6. КОРОЛЕВНЕ

Всё на свете очень сложно,
 Королевна!
 Жить со мною невозможно
 Ежедневно.

Доля истины и здесь есть,
 Королевна!
 Приходи дней через десять
 Непременно.

Я в словах довольно точен,
 Королевна!
 Только будь со мною очень
 Откровенна.

7. ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Темнотою и светом объята
 В ночь июля столица Родины.
 От Таганки и до Арбата

Расстояние было пройдено.

Очевидно, очередная
В личной жизни ошибка сделана.
Ветер выл, смеясь и рыдая,
Или время было потеряно,

Или так начинается повесть,
Или небо за тучами синее...
Почему ты такая, то есть
Очень добрая и красивая?

Почему под дождем я мокну,
Проходя по пустынным улицам,
В час, когда беспросветным окнам
Непрестанно приходится хмуриться?

Никого нет со мною рядом
На пустынном мосту Москва-реки,
Где чуть слышно ругаются матом
Электрические фонарики.

Не имею ста тысяч пускай я,
Но к чему эти самые ребусы?
Почему я тебя не ласкаю
В час, когда не идут троллейбусы?

Москворецкие тихие воды
Заключают какую-то заповедь...
Все равно ничего не поймешь ты
Из того, что, наверно, нельзя понять.

Это я изнываю от жажды,
В чем нисколько меня не неволишь ты.
О любви говорили не дважды
И не трижды, а миллионожды!

Мне нужна от тебя не жертва,
А сама ты, хоть замуж выданная.
Если жизнь у меня бессюжетна,
Я стихами сюжета не выдумаю!

Эта мысль, хоть других не новее, —
Непреложная самая истина,
Ибо если не станешь моею,
То поэма не будет написана,

А останется только вступление...

Надо быть исключительной душой,
Чтоб такое свершить преступление
Пред отечественной литературой!

8. РАССУЖДАЯ ЧЕСТНО

Я с тобою рассуждаю честно.
Ты слаба, слепа и недоверчива,
А влюбляешься неинтересно,
Исключительно от делать нечего.

Если б ты была из первозданных,
Странных, славных и очаровательных!
У тебя же не хватает данных —
Ни бульварных, ни очковтирательных.

Если б ты была из незаметных,
Постоянных, ласковых, внимательных!
У тебя же, к сожаленью, нет их —
Этих самых качеств привлекательных.

Васильки растут во ржи-пшенице,
Может быть, красивые, но сорные.
Если, скажем, на тебе жениться, —
Обрастешь скандалами и ссорами.

Ничего не понимая в счастье,
Ты своим несчастьем ужасаешься;
Где-то, ни в богеме, ни в мещанстве,
А в какой-то пустоте вращаешься.

В тридцать лет (немалый это возраст)
Не имеешь ни к чему призвания;
И дымят, как отсырелый хворост,
Тусклые твои переживания.

И от жизни у тебя усталость.
Ты спасенья ищешь от усталости,
Ибо в жизни у тебя осталось
Ощущенье неизбежной старости.

Милая, а где она — награда
За твои утраты и лишения?
Чтобы отдохнуть, работать надо,
А иного нынче нет спасения.

9. ИЗДАЛИ

Если издалека ты

Видишь убогие хаты,
Окна их в час заката
Кажутся золотыми.

Но не считай, что хаты
Из серебра и злата:
Хаты совсем не богаты,
Не обольщайся ими.

Мелочи будничной жизни
Издали живописны.
Жены чужие тоже
Издали очень пригожи.

Думаешь: мне б такую
Умницу и всезнайку,
Милую, молодую
Спутницу и хозяйку.

А разузнаешь подробно,
Сколько с ней связано тягот,
Не пожелаешь с подобной
Соединиться и на год!

10. РАЗБИВАЕМОЕ СТЕКЛО

Я забыть постараюсь те сны,
Где сюжет — скачки, по горам как.
Но, товарищи, мне тесны
Очертания всяческих рамок.

Я велик, и не на ходулях,
Мой разум и вера не шатки.
Я покину трамвай на ходу,
И не просто, а с задней площадки.

Мне ль удариться стоит в запой?
И — растак твоего ферзя!..
И полезу через забор,
Если лазить туда нельзя.

И не все превращается в дым,
И не всякий желает быть графом.
Ну и буду срывать цветы,
Не платя садовникам штрафа!

А коль трезвон надоел патефона,
И на сердце тоска полегла,
*Нет приятнее музыки звона
Разбиваемого стекла.*

11. И ПОДКОВИНУ СОМНЕМ

Мы поедем за Мытищи.
 Что нам думать и гадать?
 Заработаем мы тыщи
 И не будем голодать,

Люди любят все, что празднo,
 Но достоин труд любви.
 Мы работаем прекрасно,
 Если платятся рубли.

А металл презренный самый —
 Мой любимейший металл...
 Подружусь с огромной славой,
 Ей всю душу промотал.

Хорошо под гору, в гору, —
 Путь зачеркивает нудь.
 Счастье гнется, как подкова,
 Но не всякому согнуть.

Ну, а мы богатыреем
 Чуть не с каждым божьим днем.
 Все, что есть, — преодолеем
 И подковину согнем.

12. БЫВШЕМУ ДРУГУ

Мы подрубим сучки,
 На которых сидим,
 И сожжем свои корабли...
 И я буду один, и ты будешь один,
 Словно иначе мы не могли.

И уйдем, и не выпьем стаканов до дна,
 И покинем праздничный пир,
 И ты будешь один, и будет одна
 Та, которую кто-то любил.

Я поссорюсь с тобой,
 Ты расстанешься с ней,
 И настанет такой денек,
 Что ты будешь один, но не станешь сильнеей
 Оттого, что ты одинок.

13. БЕЗДАРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Мы любим жизнь со всеми трын-травами,
 Которые увидели воочию.
 Хорошим быть — такое дарованье,
 Которому способствуют все прочие.

Как мудрецы, мы волосы ворошим
И всевозможные вопросы ставим.
Бездарный человек не может быть хорошим,
Хотя бы потому, что он бездарен.

Он обыватель в худшем смысле слова,
Всегда слышет за моего врага.
Он крепко ненавидит все, что ново,
На всех пространствах и во все века.

С отвагой безошибочного труса
Он распинал Иисуса на кресте,
Чтобы потом, во имя Иисуса
Сжигать Джордано Бруно на костре.

14. БОЛЬШЕВИК

Рождённый, чтобы сказку сделать былью,
Он с голоду и тифа не зачах.
Деникинцы его не погубили,
Не уничтожил адмирал Колчак.
Он твердости учился у железа,
Он выполнял заветы Ильича.
Погиб не от кулацкого обреза,
Погиб не от кинжала басмача,
И не от пули он погиб фашистской,
Бойцов отважных за собой ведя...

Законы беззакония Вышинский
Высасывал из пальца у вождя.
И бушевали низменные страсти,
А большевик тоскливо сознавал,
Что арестован именем той власти,
Которую он сам и создавал!

Ну, а потом его судила тройка
Чекистов недзержинской чистоты.
Он не признал вины и умер стойко
В бессмысленном бараке Воркуты.

15. ДОСТОВЕРНАЯ СВОДКА

Умирая
Под ураганным огнем,
Стучится в ворота рая
Энский батальон.

— Мы умерли честно и просто.
Нам в рай возноситься пора. —
Но их не пускает апостол,
Они умоляют Петра:
— Попы говорили всегда нам,

Что если умрем на войне,
То в царствии, господом данном,
Мы будем счастливей вдвойне.

А Петр отвечает: — Вот сводка.
Там сказано вот как.
Убит лишь один,
Кто убит — проходи.

— Мы все здесь убиты, и двери
Ты райские нам распахни. —
А Петр отвечает: — Не верю!
Я выше солдатской брехни.
'Наверно, напились в таверне
И лезете к небесам,
А сводка — она достоверней,
Ее генерал подписал.

16. КОМСОМОЛЬЦЫ

Что творили, не ведали сами,
Но любой был на подвиг готов.
Древний храм сокрушали ломами
Комсомольцы тридцатых годов.
Разрушая свирепо и строго
Красоту неизученных лет,
Горделиво порочили бога
(Того бога, которого нет).
А свои трудовые мозоли
И струящийся каплями пот
Почитали наивно как зори
Небывалых доселе высот.

Не желая таранить упрямо
Неповинных старинных церквей,
Реставрируют древние храмы
Комсомольцы сегодняшних дней.
Воздвигают упавшие стены,
Золотят купола и кресты,
Чтоб сияло свежо и отменно
Все величье былой красоты.
Это не отступленье народа:
Стали много культурней, умней
Комсомольцев тридцатого года
Комсомольцы сегодняшних дней.

17. ОСИНЫ

Есть преданье: Иуда повесился
На осине, на горькой осине, —
И дрожит мелкой дрожью невесело
Лист осины по этой причине.

Полагали так божие странники,
 Но в садах Иорданской долины,
 По проверенным данным ботаники,
 Не росло ни единой осины.

А у нас острова есть Лосиные,
 И леса, и болота покуда
 Чрезвычайно богаты осинами,
 Но не вешается Иуда!

18. НЕПРИЗНАННЫЙ ФИЛОСОФ

Чья душа настолько измельчала,
 Что отдаст меня за огурец?
 Где оно, великое начало,
 Положившее всему конец?

От всего немного отведав,
 Я смотрю на все издалека.
 По путям вопросов и ответов
 Очень быстрая езда легка.

По путям ответов без вопросов
 Очень быстрая езда трудна —
 И торчу, непризнанный философ,
 В океане Истины, у дна.

19. СТАРАЯ АКТРИСА

Курортный город – старая актриса,
 Играющая юную красавицу.
 Ее талант в дни летние открылся,
 Игрой природы зритель восхищается.

Он рукоплещет солнцу,
 Морю с пляжем,
 Ему милы магнолии и розы.
 Он уезжает с сожаленьем, скажем,
 Лишь потому, что не дождался осени.

Но местный житель – не приезжий зритель,
 Его застанет здесь пора осенняя,
 Когда исчезнет ясный блеск в зените
 И отцветут роскошные растения.

Все выглядит в курорте по-другому,
 Не слышно оживленного веселия.
 Роль юной сыграна. Актриса дома,
 Морщинистая, старая и серая.

20. ПРИШЛА ПОРА ОСЕННЯЯ

Пришла пора осенняя,
Покончившая с летом;
Хочу, чтоб вся вселенная
Была моим портретом.

Я не люблю баталии
И не гожусь в варяги.
Найдутся лишь в Италии
Мне равные вояки.

С неумностью эклектика
Впадаю я в эстетство,
Хотя мне диалектика
Была присуща с детства.

Предугадать, что близится,
Даю себе задание
И не могу унизиться
До самооправдания.

21. ПОСЛЕДНИЕ СТУПЕНЬКИ ЛЕСТНИЦ

Последние ступеньки лестниц
Для грузчика трудней, чем старт,
И самый тяжкий зимний месяц —
Не сумрачный декабрь, а март.

Мне возражат: — Март — месяц вешний,
В нем пробуждение луча!.. —
Я соглашусь: — Оно конечно,
Но только не для москвича.

Не отшумели все метели,
Спят под сугробами ручьи,
И до Москвы не долетели
Еще картавые грачи.

Не так прозрачна, как морозна
Небесная голубизна,
И если говорить серьезно,
То не пришла еще весна!..

Влача последний зимний месяц,
Я непростительно устал.
Последние ступеньки лестниц
Для грузчика трудней, чем старт.

22. МОЯ СИЛА

Жизнь во многом была дрянна,
Но минувшее не вернуть...
Нет в мире такого бревна,
Чтобы я не мог своротить.

Мне победа нужна, а не месть,
Все минувшее очевидно.
Разве книга такая есть,
Чтобы я не смог сочинить?

Мне дорога моя дорога,
Не устану по ней бродить.
Нет в мире такого врага,
Чтоб друзья не могли победить.